

1 Почему существует зло?

Больницы переполнены заразившимися. Некоторые люди умерли, или умирают. Церкви закрылись. Ограничено передвижение, люди теряют работу, многие близки к отчаянию.

Как осмыслить произошедшее? Что сказать человеку, который недавно потерял близких? Как представление о благом и всемогущем Боге

сочетается со страданиями и смертью, несправедливостью и жестокостью, царящими в мире? Существует ли благой, всемогущий Бог?

Все это не просто аргументы, которые любят использовать противники христианства¹. Часто такие вопросы можно услышать из уст людей, столкнувшихся с личной трагедией и не могущих най-

¹“Аргумент от зла” считается главным оружием атеистов. Cf. Mackie J.L. “Evil and Omnipotence”, 1992.

ти опоры в существующих объяснениях.

Первая реакция христианина на такие вопросы, практически доведенная до автоматизма, будет такой: “это наказание за грехи”. Но почему за грехи одного должен отвечать другой? Например, невинное и чистое дитя — за грехи родителей?

А что если страдает не человек? Как мучительная смерть лани, получившей страшные ожоги во время пожара в

глухом лесу, вписывается в картину благого творения, о котором Бог говорит “хорошо весьма” (Быт. 1:31)? Как быть с таким бессмысленным страданием?

Как в картину благостного творения вписывается зверства нацистов, построивших в Польше ужасающие фабрики смерти, в которых травили газом и сжигали детей и женщин? Теракт в Беслане, взрывы в московском метро, другие примеры ужасающего зла, — как Бог

мог все это допустить?

Ясно, что “теодицея наказания” не может объяснить масштабов и глубины кошмара, в который постоянно погружается человечество. К тому же, концепция “мстительного Бога”, применяющего принцип “коллективной ответственности”, не сочетается с евангельской идеей о божественной любви Бога к человечеству (этот контраст — любимая тема некоторых проповедников атеизма). Характер и мас-

штабы зла, совершившегося в XX веке, также заставляют усомниться в достаточности такого объяснения.

Следующая предсказуемая реакция на проблему: “в зле, окружающем нас, виноват не Бог, а человек”. Согласно этому подходу, причина возникновения зла — в неправильном использовании свободной воли людьми и ангелами. Вроде бы, такой довод работает, но не все так просто.

Рассмотрим аналогию: отец подарил своему любимому сыну пистолет. Сын вскоре свел счеты с жизнью, выстрелив себе в голову. Не ложится ли часть вины за случившееся на отца, особенно, если тот знал о склонности своего сына к самоубийству? В этой аналогии отец — Бог, сын — человечество, пистолет — свободная воля. Если мы принимаем, что Бог дал человеку свободную волю, сложно делать вид, что Он не имеет отношения

к разразившейся трагедии².

Итак, цена свободной воли для человечества оказывается слишком высокой. Особенно если вспомнить о такой особенности ортодоксии, как учение о вечной муке. Обреченность какого-то количества мыслящих существ на вечное мучение сложно

² Не будем, впрочем, забывать о том, что история человечества еще не завершена. Сцена не достигла своего финала. Судьба “самоубийцы” — не безнадежна, она по-прежнему в руках Бога.

совместить с евангельским учением о Боге любви. Если неизбежным побочным продуктом дара свободной воли оказывается вечная мука, то теодицея невозможна, мы можем лишь предложить т.н. “защиту”. Все, что может сказать богослов, не впадая в оригенизм: я верю, что у Бога есть причина, по которой он допускает такое зло, **но я не знаю этой причины, а могу лишь догадываться о ней**³.

³Перефразируя А. Плантингу: те-

К аргументу от свободной воли обычно присоединяют рассуждение о “меонности” зла⁴. Благой Бог не мог сотворить ничего плохого, однако мы наблюдаем проявления зла в мире. Откуда взялось зло, если оно не сотворено?

Во-первых, зло могло существовать всегда, наравне с Богом. Это означало бы, что

изм непротиворечив, так как у Бога могут быть причины допущения зла, о которых теисту не обязательно сообщать в первую очередь.

⁴От греч. μή ὄν, не существующее.

могущество Бога ограничено
противоборствующим злым
началом (например, хаосом),
или злым божеством. Хри-
стианин не может принять
такую картину мира, ведь
Бог — всесовершенное Су-
щество, с Которым ничто не
может соперничать.

Во-вторых, зло, быть может,
лишь кажется человеку злом,
а на самом деле, сталкива-
ясь с неприятными и даже
невыносимыми ощущениями
и фактами жизни, мы всего
лишь обобщаем свой нега-

тивный опыт и так делаем вывод о существовании универсального зла. Что если зло это всего лишь одна из сторон реальности, которая нам “не нравится”? Такой взгляд вполне можно вписать в религиозную картину мира: так многие представители восточных религий успешно делают вид, что никакого зла на самом деле не существует.

Третий вариант: зло это не сущность (а значит, — не сотворено и не существует

предвечно). Оно является только как результат неверного направления свободной воли. Связав эту неоплатоническую идею с библейским нарративом о грехопадении, Ориген на Востоке и Августин на Западе предложили новое объяснение зла, прочно вошедшее в традицию христианского богословия. Сторонники этого аргумента часто используют метафору тьмы и света. Как тьма не есть сущность, а всего лишь недостаток света, так и зло

— всего лишь недостаток добра.

Заметим, что в результате мы по-прежнему не можем сказать, откуда взялся “недостаток добра”, если все творение “хорошо весьма”. К тому же, это объяснение слишком похоже на буддийское “зла не существует”. Человек это не полено, плывущее по реке, он замечает активную природу зла, ее особенную злокозненность, античеловечность. Этическая уязвимость этой

позиции также очевидна. Распространяться о меонности зла у одра умирающего ребенка — непростительная жестокость по отношению к нему и его родителям. Этот аргумент следует оставить для академических дискуссий, он почти бесполезен в полевой работе.

Можно предложить другую аналогию: зло как волна⁵.

⁵Конечно, в этом случае придется отвечать на вопрос, откуда взялась первая “рябь” зла на поверхности чистого озера сотворен-

Волна не является частицей, а зло не является сущностью. Но оно не становится от этого бездейственным: отрицательная энергия зла накапливается, несправедливость и жестокость все возрастают, и наконец на человечество обрушивается “девятый вал” зла, сметая все на своем пути.

Из этого можно извлечь нрав-

ной природы. Это встроенный недостаток любых моделей, основанных на представлении о зле как недостатке добра.

ственный урок: когда мы испытываем на себе действие зла, мы можем увеличить его амплитуду, ответив на него своим злом, а можем погасить негативную волну (часто ценой собственного страдания) и остановить ее разрушительное движение.

В отношении природы зла есть еще одна полезная интуиция. Св. Василий Великий различает “зло в ощущении” и зло “по существу”⁶. Все

⁶Cf. Basilus Theol. Quod deus non est auctor malorum. PG 31.333.5-10 (O

мучительное, неприятное для человека имеет свою причину в зле по существу (в грехе, в страстях). Например, войны, геноцид, убийства, притеснение слабых, бедность — следствие нравственной испорченности человека. Нам некого винить в своих бедах, кроме самих себя. Осознание этого факта дает некоторое утешение и смягчает остроту проблемы зла.

В данном случае во главу

том, что Бог не виновник зла).

угла ставится не преступление и наказание, а болезнь и исцеление человеческой природы. Грех это болезнь, поразившая нашу волю. Мы болеем злом и заразили им остальной космос. С тех пор зло паразитирует на человеческой природе, оно — как гниль на дереве, ржавчина на металле. Гниль, ржавчина не может существовать без вещества. В этой аналогии Бог это не космический Судья, выносящий смертные приговоры направо и налево,

а хирург, с помощью острого скальпеля удаляющий гниющие члены с тем, чтобы спасти пациента (св. Василий также использовал образ прижигания раскаленным инструментом для остановки заражения в организме).

Заметим, что этот вариант теодицеи тоже не отвечает на вопрос, откуда взялось зло, как появилась первая “бацилла” этой страшной болезни.

Допустим, что свободная

воля, лишенная возможности отрицательного выбора, в принципе (метафизически) нереализуема⁷. В этом случае мы придем к тому, что зло необходимо для того, чтобы свободная воля “работала”. Теоретически мы можем это допустить, зная о том, что зло имеет временный характер и бу-

⁷Компатибилистский вариант, при котором свободная воля совместима с предопределением мы не рассматриваем, т.к. свобода воли интуитивно связывается человеком с возможностью реального выбора.

дет упразднено (см. 1 Кор. 15:27).

Возможно, в появлении зла виновата некая дефицитарность творения, его случайная природа. Она не связана с ущербностью “дизайна”, но существует по причине того, что все, кроме Бога, “начало быть” (Ин. 1:3). Причина зла — то самое “ничто”, из которого сотворен мир, и к которому он неудержимо стремится.

Здесь уместно вернуться

к вопросу о “естественном зле”. Почему происходят землетрясения, тайфуны, пожары? Многие христианские мыслители говорили о том, что грехопадение “сломало” добрый мир, сотворенный Богом.

Не будем отвлекаться на частности, пытаюсь примирить научный “таймлайн” с библейским “Шестодневом”. Главная богословская проблема гораздо серьезнее — эволюция наших представлений о масштабе “вселенной”.

Понимание устройства мира очень серьезно изменилось с тех пор, как о проблеме записали Каппадокийцы. Звезды отступили на немыслимое расстояние, превратившись в гигантские раскаленные шары плазмы, а вещество оказалось состоящим не из четырех стихий, как учили отцы, а из мельчайших частиц, невидимых глазом (идея язычника Демокрита)⁸.

⁸И это еще пол беды. Выяснилось, что в микромире действуют не законы причины и следствия, а стати-

В результате грехопадение приобретает совершенно титанический масштаб. Оно

стические закономерности, в основе которых лежит случайность. Это коренным образом меняет наше представление о мире. Автоматон Аристотеля вновь поднимает голову, а представление о непрерывном Промысле подвергается серьезному испытанию. Впрочем, некоторые богословы используют “случайность” как основу теодицеи. Так Ван Инваген допускает, что иногда “вещи просто случаются”. Евангелие не говорит нам, что каждое событие имеет особый смысл. Оно учит нас просить Бога о помощи, чтобы пронести данный нам крест.

не просто выращивает шипы у розы и внушает комару желание напиться крови грешников. Учитывая то, что существование материального мира, по-видимому, изначально связано с энтропией, тлением (иначе мы бы не видели звезд, излучающих свет в результате реакции ядерного *распада*), Адам и Ева фактически становятся “демиургами”, которые изменили замысел Творца о мире и полностью пересоздали его в совершенно ином, мрачном

ключе⁹. Ведь смерть живых

⁹Можно рассмотреть идею о творении мира Богом как набора вероятностей, мира, похожего на волновую функцию в физике. Адам и Ева “заглянув внутрь” (познание добра и зла) схлопывают эту функцию по самой неблагоприятной “траектории” и оказываются в середине истории мира, где царствует энтропия и уже “задним числом” вымерли тиранозавры. Такая богословская экзотика также подтверждена озвученному недостатку: роль Адама и Евы в истории мира возрастает до непропорциональных масштабов. С другой стороны, такое решение снимает проблему естественного зла и смягчает противоречие современной космологии с библейской картиной мира.

организмов это следствие энтропии, и она встроена в круг жизни: сменяемость поколений наблюдается в нашем мире с незапамятных времен.

Итак, идея о первородном грехе должна быть, по-видимому, ограничена этической сферой. Энтропия и распад, судя по всему, встроены в нашу вселенную с самого начала, хотя действие тления после грехопадения могло заметно усилиться, по крайней мере,

в отношении самого человека.

Возможно, подходящим решением, которое не противоречило бы столь остро современной космологии и не создавало бы разрыва с традиционным библейским представлением о Творении, является представление о Эдеме, как о некоем “эксклаве”, где Бог сохранял первых людей от разрушительного действия хаоса. Здесь не было смерти, все живое существовало в гар-

монии, но вне границ Эдема действовали силы распада. Грехопадение вводит первых людей во внешний мир болезней, страдания, постоянной борьбы за выживание...

Оставим в стороне второстепенные проблемы этой картины и обратимся к главной: мы по-прежнему рассматриваем возможность творения Богом смерти. Но “Бог не сотворил смерти и не радуется гибели живущих” (Прем. 1, 13).

Некоторые мыслители пыта-

ются обойти эту трудность рассуждением о том, что биологическая смерть в животном мире это нечто естественное, свойственное неразумной природе, смерть же в библейском смысле соединена именно с грехопадением. Возможно, грехопадение усилило степень разрушения (например, **соединило смерть со страданием для животных**, которые раньше умирали безболезненно), но сам принцип тления уже присутствовал

во вселенной.

Можно предположить, что энтропийность сотворенного мира связана с необходимостью: хаос, стохастическая неопределенность нашей вселенной создают среду, где человек может не только однажды проявить свою волю, но снова и снова переживать неопределенность и выбирать.

Энтропия как дизайн, как конструктивная особенность вселенной, заложенная Твор-

цом, может быть основой для возникновения нового ответа на аргумент от зла, сочетающего черты теодицеи свободной воли и еще одного подхода к проблеме, который мы сейчас рассмотрим.

Обучение человека добродетели является лейтмотивом т.н. “воспитательной теодицеи”, родоначальником которой считают св. Иринея Лионского. Зло попущено Богом для того, чтобы человек научился управляться

со своей волей, достиг нравственного совершенства. Интуиция воспитания кажется правильной, в нее вписывается библейская тема Бога как Отца, а людей как детей Божиих.

Впрочем, эта аналогия имеет другую, острую сторону: какой отец в процессе воспитания “отбраковывает” детей, отправляя неудачников “во тьму внешнюю” навсегда? Вероятно, только очень жестокий. Именно поэтому теодицея воспитания в со-

временном виде часто имеет логичное дополнение: после завершения воспитания, Бог восстановит “неудачников” в первоначальном состоянии¹⁰. Это развитие окрашивает саму идею воспитательной теодицеи оттенком оригинализма.

Дополнительным аргументом в пользу воспитательной теодицеи может служить т.н. “вторичное добро”. С этим связан хрестоматийный

¹⁰Cf. *Hick John, Evil and the God of Love. Palgrave Macmillan, 2010*

пример: во время военных действий в окоп прилетает вражеская граната. Все присутствующие должны погибнуть. Однако, один из солдат закрывает гранату своим телом и героически спасает остальных. Этот подвиг самопожертвования был бы невозможен, если бы не существовало войны, гранат и самой смерти.

В этой истории можно усмотреть метафору Креста. Ведь если бы не существовало зло, невозможен был бы и подвиг

Господа Иисуса. Бог хотел пострадать за людей, пройти через муки энтропийного, падшего мира, чтобы вместе со своими верными друзьями (см. Ин. 15:14) праздновать победу над смертью и тлением в вечном Воскресении.

Теодицея Креста и Воскресения помогает преодолеть шок, возникший у человечества, столкнувшегося с демонической жестокостью нацизма и большевизма. Сын Божий разделил муки безблагодатного человечества

и всех привлек к Себе (Ин. 12:32). Христианин не может рассматривать проблему зла в отрыве от Креста и победы над смертью в Воскресении.

Это поистине космическая победа, исполняющая божественный замысел о мире и человеке, упраздняющая случайное и преходящее, утверждающая вечное и нетленное. В Воскресении из мертвых уже нет “или”, а есть только “да”, обращен-

ное к Богу.

Hick John. Evil and the God of Love. Palgrave Macmillan, 2010.